

Г-жа Юренева (въ „Снѣгѣ“).

Театръ Незлобина сдѣлалъ въ лицѣ г-жи Юреновой, безспорно, очень хорошее приобретёніе, ввелъ въ свою труппу силу интересную и многимъ привлекательную, актрису, къ которой, хоть успѣхъ ея (на первомъ спектаклѣ) и былъ не изъ громовыхъ, какъ-то сразу всѣхъ потянуло.

Можно, конечно, выдвинуть противъ игры новой незлобинской артистки въ «Снѣгѣ» цѣлую батарею возраженій и упрековъ. Не будетъ стоить труда написать длинный реестръ недостатковъ, о которыхъ засвидѣтельствовалъ первый спектакль. Недостатки—все такіе очевидные, лежатъ, такъ сказать, сверху, мечутся въ глаза. Всѣ ихъ замѣтили и отмѣтили.

Замѣтили, что говоритъ г-жа Юренева малороссійскимъ, или еще какимъ-то говоромъ, противъ котораго протестуетъ, на который обижается московское ухо. Замѣтили, что г-жа Юренева не говоритъ—поетъ, выпѣваетъ каждую свою фразу, и это некрасиво, непріятно, отнимаетъ у рѣчи много простоты и правды.

Замѣтили, что г-жа Юренева перенасыщаетъ свою игру всякими подробностями, дѣлаетъ черезъ то исполненіе пестрымъ и грузнымъ, начинаетъ минутами утомлять. Замѣтили, что есть частая въ театральнѣй провинціи привычка играть «въ публику», слишкомъ заботиться о зрителѣ, думать о немъ, а не о своемъ партнерѣ. Замѣтили, что, — опять провинціальная привычка, — очень плохо понимаетъ артистка объ этомъ своемъ зрителѣ, все хочетъ ему растолковать, разжевать и въ ротъ положить, хотя зритель же не маленькій, и самъ жевать умѣетъ, все ловить по одному намеку. Замѣтили даже и то, что плохи и вычурны у г-жи Юреновой платья и не къ лицу не къ фигурѣ.

И все-таки, — г-жа Юренева по настоящему отличная актриса, по настоящему интересная, изъ тѣхъ, чье пребываніе на сценѣ—для этой сцены радость, изъ тѣхъ, что не оставляютъ сердце зрителя пустымъ, необогрѣтымъ, необласканнымъ. И все-таки, хоть «Снѣгъ»—пло-

хой у Незлобина спектакль, и въ этомъ виновата и г-жа Юренева,—этотъ спектакль долженъ радовать, окрылять надежды, потому что всѣ мы увидали обаятельную актрису, настоящій, красивый, нѣжный талантъ.

За спектакль я нѣсколько разъ самымъ настоящимъ образомъ злился и на г-жу Юреневу, и на тѣхъ, что вліяніе ее направляетъ, чей вкусъ ей служить маякомъ въ ея блужденіяхъ,—до того были непріятны нѣкоторыя частности игры, нѣкоторые моменты роли, и до того было ясно, что тутъ именно вліяніе, что тутъ именно маякъ-то—ложный, ведетъ не отъ скалъ, а прямо на скалы, и вотъ-вотъ весь корабль разобьется въ щепы...

Но за тотъ же спектакль я нѣсколько разъ по настоящему радовался, какъ радуются только встрѣчѣ съ настоящимъ художникомъ, съ настоящимъ талантомъ, какъ радуются только въ праздникъ искусства. Бронка—дитя, наивное, невинное, свѣтлое, счастливое. Уже шевелятся злыя тревоги, уже крадутся смутныя печали, но еще не приблизились, не отравили ясности. И г-жа Юренева, среди многой фальши, распѣваній, ужимокъ, все-таки дала это дитя, дала его наивную радость и его восторженную любовь.

Потомъ горе подкралось близко, печаль-тоска выплала отравленными зубами въ сердце. Еще нѣтъ отчаянія, нѣтъ безнадежности, еще мѣшается со слезами смѣхъ. Но уже смятъ цвѣтокъ душистый. И опять, сколько фальши, сколько лживыхъ, охорашивающихся пѣтонацій и позъ! Но все-таки настоящая печаль, настоящая тоска. И все въ оболочкѣ такой красивой, поэтичной.

За то,—какъ Бронка г-жи Юреновой, усѣвшись глубоко въ кресло, начинаетъ читать влюбленное письмо мужа, обливаясь его слезами, въ этомъ листкѣ, свидѣтель недавняго счастья, прощается со счастьемъ.—за одно это я много бы простилъ артисткѣ, и я предпочелъ бы, если ужъ это такъ необходимо, чтобы были у г-жи Юреновой всѣ ея недостатки, неисчерпаемые и длиннымъ синоди-